

Перед тем, как Ли Чжун поспешил уйти, он приказал слугам отправить еду госпоже Ши. Кухарка в резиденции Ли специально приготовила порцию пшенной каши и принесла ей. Менее чем через десять минут она вышла из комнаты мадам с нетронутой едой, на ее лице было написано замешательство.

«Что случилось?» Му Яо замерла, держа палочками немного еды, задавая вопрос поварихе, стоящей перед ширмой в оцепенении.

Хозяйка кухни указала на комнату мадам Ши и сказала, понизив голос: «Я постучала в дверь, и никто не ответил. Когда я толкнула дверь и вошла, я увидела мадам, лежащую на кровати спиной ко мне. Балдахин кровати еще даже не был поднят. Судя по всему, она еще не проснулась.» Она замолчала здесь на мгновение, а затем продолжила с некоторой тревогой: «Она уже так долго лежит... с ней ничего не должно было случиться, верно?»

Она вытерла вспотевшие ладони о фартук и спросила с тревогой, написанной на лице: «Хозяина дома нет. Даосы, вы все опытные и знающие, так что... мне пойти и пригласить доктора....? »

«Пока нет необходимости.» Му Яо слегка улыбнулась, успокаивая ее: «Теперь ты можешь идти делать свою работу. Если сегодня ей не станет лучше, то мы пригласим врача».

Толстая кухарка особо не раздумывала и вернула миску на кухню с возгласом «о». Она пробормотала про себя: «Каша, которую я так долго томила на огне, ах... какая жалость...»

Чучу сидела на коленях у Лю Фуи, поедая креветку, которой он кормил ее, но внезапно она закрыла рот.

Лю Фуи взял носовой платок, чтобы вытереть рот, а затем тепло спросил: «Ты больше не хочешь есть?»

После приема лекарства лицо Чучу стало нормальным, и она совсем не выглядела больной. Она послушно позволила Лю Фуи вытереть ей рот, а затем широко открыла глаза, чтобы посмотреть на него, как будто она хотела что-то сказать.

«Чучу, тебе где-нибудь еще некомфортно?» Тон Му Яо был несколько взволнованным.

Среди Му Яо и Лю Фуи один из них обнимал маленькую девочку, вытирая ей лицо, а другая держала наготове ложку, собираясь накормить ее супом по одному ее слову. Они работали в молчаливом понимании, и если бы Линг Мяомяо не знала правды, она бы подумала, что видит молодую любящую пару, заботящуюся о своем ребенке.

Линг Мяомяо отвернулась и с интересом наблюдала за Му Шэном. Его длинные ресницы были направлены вниз, он полностью сосредоточился на том, чтобы класть рис в рот. Казалось, у

него не было особенно примечательной реакции на сцену перед ним.

В ее пристальном взгляде было некоторое разочарование. Она пыталась обнаружить какие-то подсказки, внимательно изучая его лицо, но внезапно Му Шэн поднял глаза, и они встретились взглядами.

На юношу... смотрели так пристально, что ему было трудно проглотить еду. Он не мог больше этого выносить, поэтому взглянул на нее, и она тут же начала трястись, как обнаруженное маленькое животное, оживившись до крайности.

Его сердцебиение внезапно ускорилося, и он тут же снова опустил глаза. Осматривая посуду на столе. Он, казалось, обдумывал, из какой тарелки взять что-нибудь, чтобы набить ей рот.

Линг Мяомя уже заметила что-то неладное в его движениях и тут же отвела лицо, зорко воскликнув: «Я не хо--»

Рука Му Шэна дрогнула, и ломтик моркови, который он подобрал, выпал. Он поднял голову и посмотрел на нее темными глазами. Мяомя сразу же испугалась этого выражения его лица, и ее слова полностью изменились: «...не хочу морковь... я хочу курицу.»

Она даже услужливо протянула свою миску.

Выражение лица Му Шэна бессознательно смягчилось, он взял кусок курицы и бросил ей в миску. Он несколько натянуто отвернул голову, когда сказал: «Ешь свою еду, не смотри по сторонам.»

Но внутри себя он подумал: кролик не ест морковь, какой шок!

Кролик открыл рот: «Я совершенно ненавижу морковь. Особенно вареную морковь.» Она откусила кусок курицы, с ненавистью глядя на обмякшую морковку, словно увидела старого врага.

Но, конечно, подумал Му Шэн, какой кролик любит есть вареную морковь.

Мяомя продолжала есть, но вдруг вспомнила, что нужно бросить взгляд на выражение лица Му Шэна, но обнаружила, что в его глазах скрыта улыбка. Увидев это, поток удивления наполнил ее сердце до краев.

Лю Фуи и Му Яо буквально разыгрывали роли любящих мужа и жены прямо у него на глазах; И все же он мог улыбаться—???

Все кончено, черный лотос сошёл с ума от гнева.

«Чучу, ты хочешь что-нибудь сказать сестре Му?» Му Яо дала ей пол-ложки супа, и Чучу рассеянно выпила ее, даже немного подавившись, когда глотала. Ее темные глаза постоянно смотрели на Му Яо, как будто она действительно хотела что-то сказать.

Чучу на мгновение заколебалась, а затем маленькой ручкой с шорохом подобрала свою одежду. Белоснежная кожа ее живота была прикрыта несколькими завернутыми листами пергамента. Ее глаза робко смотрели на лицо Му Яо, словно пытаясь увидеть, не рассердится ли она.

«.....» Улыбка Му Яо застыла, и она потеряла дар речи.

Через некоторое время Лю Фуи рассмеялся, добродушно взял несколько бумажных пакетов и положил их на стол. Он потер ее голову и спросил: «Ты специально спрятала лекарство?»

Чучу робко кивнула, как будто она чувствовала себя немного обиженной, но также и немного сбитой с толку: «Я не хотела, чтобы папа ходил к мадам Ши...» Она немного подумала, затем в ее глазах появился намек на страх: «Последний Ночью мадам Ши почувствовала головокружение, поэтому она не сменила свое лицо на лицо этой прекрасной сестры... папа хотел ее увидеть, но она спрятала свое лицо в одеяло и яростно отругала папу и велела ему убираться.»

Поскольку тело Чучу было слабым и хрупким, несчастный случай мог произойти в любой момент, поэтому Ли Чжун не чувствовал себя спокойно, оставляя ее на чьих-то руках. Он намеренно позволил разместить ее кровать внутри его общей комнаты с мадам Ши. Будучи разделенным только одной ширмой, юная Чучу бесчисленное количество раз видела "изменение лица" мадам Ши, что могло оставить глубокий след в ее сознании.

Му Яо вздохнула и раздраженно потерла свои мягкие волосы.

Небо медленно потемнело, и сумерки опустились на все вокруг. В мгновение ока ночь уже опустилась.

Весь день мадам Ши оставалась в своей комнате. Она ничего не пила, ничего не ела и ничего не говорила. Перед лицом этого главные герои чувствовали, что у них связаны руки.

Согласно предыдущим планам, они должны были отправиться в ту ночь на фабрику благовоний. Однако маленькая девочка, сидящая прямо на коленях Дю Фуи, категорически отказывалась идти отдыхать. Она смотрела на Лю Фуи своими большими глазами, пока он застенчиво кормил ее. Ее маленькие руки крепко сжимали его лацкан, смертельно опасаясь, что, как только она заснет, ее бросят наедине с мадам Ши.

Ли Чжуна здесь не было, и у слуг не было силы противостоять мадам. Лю Фуи был единственным человеком, на которого она могла положиться. Она уже помогла главным героям прикрепить талисманы и фактически превратилась во врага мадам Ши. Как только

мадам ее раскроет, последствия будет трудно предсказать.

По этой причине главные герои тоже были не в своей тарелке, и не могли оставить ее одну в резиденции Ли. Они некоторое время обсуждали эту проблему, прежде чем Лю Фуи объявил: «Как насчет того, что мы возьмем Чучу с собой...».

Когда большие сверкающие глаза Чучу уставились на Му Яо, она не сразу нашла в себе силы отказаться.

Наоборот, именно Му Шэн проявил нежелание: «Сестра, дорога туда очень опасна. Мало того, у нее еще и одышка. Боюсь, это плохая идея.»

Маленькие губы Чучу скривились, а в глазах появилось выражение глубокой обиды. Она повернула голову и уткнулась ей в грудь Лю Фуи: «Этот брат страшный.....»

Му Шэн холодно улыбнулся и откинул голову в сторону, темные глаза смотрели в окно. Он отказывался сказать еще хоть слово.

Му Яо посмотрела на слабую и нежную спину Чучу, а затем решила: «Все будет хорошо, я защищу ее».

Чучу тут же села, потерла уставшие глаза и захлопала в ладоши: «Прекрасно, я пойду гулять!»

Ночью дул сильный ветер, и четверо героев несли Чучу с собой, отправляясь в опасную "прогулку".

Лю Фуи протянул руку, чтобы поддержать Чучу, в то время как Му Яо стояла сбоку, используя свои длинные тонкие руки, чтобы тепло помочь маленькой девочке привести в порядок ее плащ и воротник. Лунный свет, падавший сверху, заливал окруженные кустарники и сорняки серебристым сиянием, а воздух наполнялся тихим журчанием текущей воды.

Эта сцена была теплой, успокаивающей и гармоничной. Любовь, казалось, наполняла воздух, и вся сцена выглядела как картина тысячелетней давности, застывшая во времени.

По сравнению с ними Му Шэн был наполовину скрыт в темноте позади них. Он рассеянно пиная камни на земле; рисуя картину самого одинокого путешественника в ночи.

Чуть холодная капля ночной росы соскользнула с листа и упала ему на тыльную сторону ладони, наполняя сердце холодом. Он протянул руку и сорвал лист, помяв его между пальцами. Он не мог не обернуться, чтобы найти глазами силуэт определенной девушки.

Линг Мяомяо ускорила шаг, чтобы быстро догнать его. Ее отчетливые абрикосовые глаза

просто случайно посмотрели на него в то же время. Пушистый воротник жакета на подкладке резко контрастировал с ее раскрасневшимся лицом. Она протянула обе ладони, прикрытые парой перчаток ручной вязки, и была похожа на маленького тигра, протягивающего свои толстые лапы: «Му Шэн, посмотри, на мне моя осенняя куртка на подкладке!»

Он опустил глаза, чтобы скрыть проявившийся в них намек на тепло, и ответил тихим голосом: «Ммм.»

Линг Мяомяо была крайне разочарована его реакцией: «Почему ты такой вялый, а? Ты замерз?»

Она расстегнула плащ Му Шэна и несколько раз ущипнула за углы его одежды. Она цокнула языком: «Ты так мало носишь... Молодой Благородный Му, ты не можешь позволить себе зимнюю одежду?» Она быстро сняла свои перчатки и помахала им: «Мой отец связал их для меня, они очень теплые. Эй, хочешь примерить их?»

Юноша в черном медленно выдернул свои рукава из ее рук и отвернулся от нее, только бросив после долгого молчания: «.... Лучше сама их носи.»

«Эх...» Линг Мяомяо выпустила струйку белого воздуха. Она погладила перчатки с некоторой меланхолией. Черный лотос, конечно, отстраненный.

Ночь на склоне Цинъян была очень спокойной. Темное небо напоминало пролитую чернильницу: чистая тьма, которая казалась такой далекой. Все небо было заполнено бесчисленными маленькими и большими звездами, излучающими болезненный холодный свет. Под действием разлома инь-ян осенние насекомые больше не стрекотали. Время от времени раздавался странный шорох, как будто за деревьями скрывалось множество вещей, которые вместе весело гоготали.

Ночью все дремлющие демоны выходили глотнуть свежего воздуха. К счастью, Чучу уже заснула на руках Лю Фуи. Она не могла слышать звуков, от которых вставали дыбом волосы.

Они подошли к источнику булькающих звуков воды. С самого дна реки поднимались пузыри, они лопались, достигнув поверхности. Идущие впереди Му Яо и Лю Фуи остановились. Текущая вода перед их глазами была облита щедрой дозой холодного лунного света. Ветер дул и шевелил траву у кромки реки, увлажняя растения по пояс.

Они снова оказались в том месте, где им предстояло пересечь реку в темноте.

Му Яо пошла первая, а Лю Фуи обнял Чучу, следуя за ней. Он обернулся, чтобы посмотреть на Мяомяо, собираясь что-то сказать, но увидел, что Му Шэн уже естественным образом наклонился, положив обе руки на колени. Ветер трепал его повязку, словно она была бабочкой, которая хотела взлететь. Казалось, она почти не хотела возвращаться к его волосам.

Подобно тому, как небо очищается, когда проходит дождь, в тот момент, когда Лю Фуи увидел эту сцену, он с благодарностью закрыл рот, а на его губах появилась загадочная улыбка.

Согнутая спина Му Шэна выглядела совершенно естественно, а Линг Мяомяо поднималась на нее еще более естественно. Это было ей так знакомо, как ехать на лошади, на которой ты ездил с юных лет. Как только она обхватила руками его шею, Му Шэн подтянул ее колени и легко поднял ее к себе на спину. Он сразу шагнул в темный поток с легким всплеском.

Демоны под водой были привлечены живым человеком и сразу же окружили его.

Му Шэн молча смотрел на поверхность воды, а талисманы в его ладонях непрерывно летели в воду. Углы, под которыми он их бросал, были хитрыми, но точными и яростными. Талисманы были подобны множеству барракуд, несущихся в воде, оставляя лишь небольшой пронзительный звук и ничего более. На воде не было ни малейшей ряби.

Он нерешительно разбирался с демонами, все еще слушая девушку на своей спине. Однако сегодня Линг Мяомяо была странно тихой, и сколько бы он ни ждал, она не произнесла ни слова. Сбитый с толку, он вдруг услышал, как она говорит, впервые с тех пор, как она легла ему на спину. Кроме того, ее тон был подавленным: «Му Шэн, как ты думаешь, сколько времени потребуется, прежде чем я смогу пересечь эту темную реку в одиночку?»

Лицо юноши вдруг поникло.

Линг Мяомяо почувствовала, как его рука тут же напряглась настолько сильно, что ее бедро пронзила боль. Не выдержав, она несколько раз дернулась на его спине, только чтобы услышать, как он сказал: «Почему ты хочешь перейти реку в одиночку?»

«Вообще-то мне лень самой переходить реку...» Она скривила уголки своих слегка холодных губ, когда она непреднамеренно ударилась ими о него, бормоча себе под нос: «Но мне кажется, что каждый раз, когда ты заставляешь меня нести меня через реку, это очень раздражает тебя».

Ее юбка качалась взад-вперед, подол был мокрым от воды. Иногда, когда холодная вода касалась ее голени, она чувствовала, как ледяной холод пронзает ее кожу до костей. Для сравнения, обе ноги Му Шэна промокли в воде по самое колено.

«Сестра Му тоже девочка, но она может сама пересечь реку. Это значит, что я тоже могу». Она начала играть с воротом Му Шэна, мило спрашивая: «Разве вода не очень холодная?»

Му Шэн долго молчал, прежде чем ответить: «....Не холодная.»

Голос у него был очень мягкий, как будто он разговаривал сам с собой.

«Тогда когда я смогу перейти реку сама?»

Казалось, ему очень не понравился этот щекотливый вопрос, и он на мгновение стал молчаливым, прежде чем нашел слова, чтобы ответить: «Когда научишься использовать талисманы.»

«Я могу их использовать!» Мяомя сразу же заволновалась и резко хлопнула его по спине: «Брат Лю пытался научить меня магическим словам, и я до сих пор их помню! Хочешь, я понесу тебя один раз?»

Теперь юноша казался немного расстроенным: «Нет».

«Тогда дай мне несколько талисманов, дай мне попробовать». Она все еще была погружена в свое волнение и начала тянуть Му Шэна за рукава: «У тебя еще какие-нибудь остались? Можешь дать мне немного?»

«Нет.» Он холодно ответил, затем повернул голову, чтобы предупредить ее мрачным выражением лица: «Не двигайся.»

«...Ты такой мелочный.» Мяомя сердито извивалась, но остановилась, не получив ответа. Теперь она распласталась на его спине еще более безжизненно, без малейшего желания сдвинуться с места. В тот момент, когда она перестала извиваться, ее тут же начала одолевать сонливость.

Она успокоилась, и ночь показалась ей еще более одинокой и мрачной. Единственным звуком рядом с ней был звук плескания воды и слабое бульканье, доносившееся из глубины темных вод.

Пока Му Шэн шел, его темп замедлился, и он очень мягко освободил одну руку, чтобы вытащить стопку желтоватых талисманов. Он опустил ресницы и одной рукой засунул их в ее жакет на подкладке.

Девушка спала в оцепенении, она даже не открыла глаза, но чувствовала его прикосновение. Она на мгновение отшатнулась, а затем бессильно плюхнулась ему на спину, жалобно бормоча: «...Не тыкай меня.»

Он быстро убрал руку и поднял ее повисшее колено. Его ресницы дрожали, как крылья бабочки.

~~~~~